

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОХОТНИЧИЙ ЖУРНАЛ

ОХОТА

**№ 11 (44)
2011**

**ОХОТА ДЛЯ
МОЛОДОЖЕНОВ**

**ОБЫКНОВЕННЫЙ
РЯБЧИК**

**ХРАНИМ
КОЛЛЕКЦИЮ
ПРАВИЛЬНО**

**ЗОЛОТАЯ
ПТИЦА РОССИИ**

www.journalhunt.com

ISSN 1994-8298

9 771994 829007

МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА

О ПРОСТОТЕ И СЛОЖНОСТИ

Сегодня мы публикуем, с небольшими сокращениями, статью американского специалиста, сейчас — сотрудника Университета штата Северная Каролина (США) Нилса Петерсона — он уже известен читателям нашего журнала по статье о роли охоты в осознании обществом связи человека с природой, опубликованной в прошлом номере. Выбор материала обусловлен тем, что он содержит краткий, но емкий обзор основных воззрений, влиятельных систем взглядов, борющихся сейчас в зарубежных, не только американских, природопользовательских отраслях науки и практики. Привлекла также наглядность сделанных автором иллюстраций.

Не часто, но приходится слышать, что публикуемые журналом материалы иногда чрезмерно сложны для читателя. Причем это говорится не о статьях отечественных ученых с длинными уравнениями, а о текстах зарубежных авторов, посвященных социальным аспектам охоты. Хотел бы сказать по этому поводу несколько слов.

Отец американского охотоведения (биологии дикой природы) — Олдо Леопольд — получил образование лесника (специальности биолога дикой природы тогда просто не было, он сам ее позднее учредил) в Йельском университете, и неслучайно исследователи его творчества отмечали легкость, с которой он перешагивал границы дисциплин, переходя от зоологии к социологии, от экологии к юриспруденции. Последние его работы, собранные в «Альманахе песчаного графства», западные библиографы относят по разряду философии. Социозолог Стивен Келлерт, разработавший в 1980-х годах ставшую классической типологию мотивов взаимодействия человека с природой (она применяется и в этой статье), — из того же университета, что и Леопольд. Примеров того, что в формировании современного американского охотоведения участвовали люди, связанные с ведущими научно-образовательными учреждениями мира, можно привести немало. Этому способствовало и создание более полувека назад сети региональных структур, объединявших преподавателей-исследователей университетов и аналитиков-консультантов профильных ведомств штатов и федеральных учреждений. Этот процесс взаимобмена между академической наукой и просвещенной практикой продолжается и сейчас.

Российское охотоведение тоже создали очень хорошо, разносторонне обра-

зованные люди. Без указания на работы А.А. Силантьева (лесника, как и О. Леопольд) не обходится ни один серьезный обзор истории отечественной экологии (и тем более энтомологии), С.А. Бутурлин — правовед по образованию (окончил с золотой медалью петербургское Императорское училище правоведения) и орнитолог мирового уровня (доктор биологических наук, профессор), оружиевед и кинолог, на работы Б.М. Житкова (выпускника естественно-го отделения физмата, а потом профессора Московского университета) до сих пор ссылаются этнографы и этнологи.

Точкой отсчета российского охотоведения считается выход «Обзора промысловых охот» А.А. Силантьева, который был основан на материалах обследования, проведенного после крестьянской реформы 1860-х годов. Это всего один том; по сравнению с многотомьем исследований рыбных промыслов — брошюра. Но обследование рыболовства сосредоточилось на ресурсах и технике, и потому у рыбалки есть только ихтиология, раздел биологии, но нет «рыболовения». Основатели охотоведения, а я причисляю к ним и Н.В. Туркина с его книгами об охотничьем законодательстве, создание которого естественным образом требовало выхода за рамки биологии, начинали с людей и заканчивали ими. Потому, я думаю, и получилось российское охотоведение как наука об «охоте во всей ее совокупности» (Соловьев, 1922 г.), а науки о рыбалке и рыбаках не появилось. Уверен, классики нашего охотоведения только посмеялись бы, скажи им кто-нибудь об охотоведении как чисто биологической науке, хотя посмеялись бы, возможно, и горько, поскольку много бились против такого взгляда и страдали от его сторонников, особенно А.А. Силантьев.

Современное зарубежное охотоведение (за исключением, быть может, центрально-европейского) во всех его ипостасях, — наука экологическая, неизбежно междисциплинарная, социально-биологическая. В комплексных охотоведческих исследованиях развитых стран обществоведческая компонента всегда сильна, развивающихся стран — преобладает.

Автор публикуемой ниже статьи окончил бакалавриат и магистратуру по дикой природе и рыболовству в обычном (техасском) университете, писал он ее, не имея ученой степени. Это обычный уровень обсуждения серьезных проблем языком, адекватным их сложности. У многих наших охотоведов есть вкус к социальным проблемам, очень многие охотники имеют гораздо большую общекультурную подготовку, чем охотоведы. Думаю, терминологические сложности не станут непреодолимым препятствием для восприятия. Уверен, и готов отстаивать это мнение, что очень многие проблемы охотничьего хозяйства России, отдельных его органов и организаций, руководителей и специалистов связаны именно с примитивностью, убогостью нашей аргументации. Нас не понимают (обычная охотоведческая жалоба) сплошь и рядом потому, что мы, условно говоря, математические задачи объясняем и пытаемся решить языком и инструментами арифметики.

Нужно сказать еще, что, независимо от собственной потребности охотоведения в философских подходах и обществоведческом инструментарии, их вовлечение в охотоведческие исследования неизбежно в силу того, что они активно используются антиохотниками. Наши гуманяки (темно-зеленые) весьма неразвиты; они на полном серьезе печатно рассуждают, например, о том, что охотник, сующий в выдровую нору капкан, сублимирует таким образом свое желание совокупиться с матерью-землей. Но западные охотоведы сталкиваются с гораздо более серьезными противниками, и искусное владение их оружием там обязательно. Думаю, и нам такие навыки пригодятся, и пригодятся раньше, чем можно ожидать. Форсированное «развитие» нашей охоты в трофейно-животноводческую сторону, усиленное чиновничьим авиа-

КНОСТИ

браконьерством, быстро размоет остатки положительного отношения к охоте — механика этого процесса хорошо показана в статье Н. Петерсона.

Учитывая, что не у всех есть интернет-доступ, поясню несколько терминов, которые отсутствуют или редки в российских словарях общеупотребительной лексики. В отличие от плюралистических (и дуалистических — двойственных, амбивалентных) подходов, монистические воззрения, системы взглядов (парадигмы), к чему бы они ни относились, видят всему одну-единственную основу и причину. Глубинная экология (deep ecology) — направление экологической философии, отрицающее какое-либо ранжирование ценности живых существ (включая человека). Теория иерархий описывает экологические, математические и прочие системы, состоящие, в отличие от комплексов равнозначных единиц, из элементов разной значимости, что резко усложняет внутренние взаимосвязи. Гипотеза натуральности (она же — охотничья гипотеза, примитивистская гипотеза) — предположение, согласно которому охота унаследована человеком от животных предков, она присуща (имманентна) человеку. Особенно горячие сторонники такого представления выводят отсюда, что всякий, кто посягает на охоту, — человеконенавистник, и, между прочим, что женщина, безнадежно отставшая еще в первобытную эпоху, — не вполне человек (примерно в таком духе: «Сравните сами чувствительную гибкую кисть мужчины-лучника, посылающего меткую стрелу в стремительного оленя, и заскорузлые клешни женщины, выскребающей из грунта мерзлый корнеплод»).

В заключение благодарю зарубежных коллег, участвовавших в быстром принятии решения о согласии на публикацию статьи в нашем журнале — самого автора, а также редактора бюллетеня Общества дикой природы Уоррена Балларда (Warren Ballard), исполнительного директора Общества Майкла Хатчинса (Michael Hutchins) и директора Общества по издательским делам Лизу Мур (Lisa Moore).

Сергей Матвейчук

Как укрепить общественное признание охоты?

Нилс ПЕТЕРСОН

Постановка проблемы

Олдо Леопольд в своем ставшем знаменитым высказывании из книги «Менеджмент дичи» (1933 г.) признал огнестрельное оружие одним из пяти основных инструментов менеджмента дикой природы: «Дичь может быть восстановлена творческим использованием тех же самых инструментов, которые прежде ее уничтожили; это топор, плуг, корова, огонь и огнестрельное оружие». Успешное лоббирование антиохотничьих групп и устойчивое снижение притока и общего числа охотников вызывает обеспокоенность относительно будущего и охоты, и менеджмента дикой природы.

Не будь охоты, экономическая и социальная поддержка менеджмента дикой природы была бы существенно слабее. Неохотничьи природоохранные круги поддержали установление альтернативных источников финансирования вроде неудавшейся законодательной инициативы «Заодно с дикой природой» или чахнувшего Закона о сохранении и восстановлении природы. Однако оппозицию новым налогам в Конгрессе и исполнительной власти, а также сопротивление заинтересованных лиц, которых прямо затрагивают предложенные налоги, преодолеть будет, конечно, непросто. Даже если эти или подобные инициативы, обеспечив менеджменту дикой природы ежегодно почти миллиард долларов, станут основным источником его

финансирования, социально-экономическая поддержка охотников будет все равно иметь решающее значение.

Поскольку цели сохранения дикой природы начинают входить в противоречие с интересами городов и сел, необходимость в общественной поддержке менеджмента дикой природы будет неуклонно усиливаться. В обозримом будущем менеджмент будет требовать этической, культурной, политической и экономической поддержки охотников и неохотников. Охотники, в свою очередь, нуждаются в таковой поддержке со стороны неохотников. Рассчитывая на то, что плюралистические демократические государства защищают права меньшинств, некоторые поборники охоты полагают, что охотники не нуждаются в общественной поддержке. Д. МакДональд, уподобляя охотников игрокам в гольф, заявил, что оба занятия, хотя и вызывали возражения, находились под защитой плюралистических демократических государств. Этот подход нелогичен и не подтверждается фактами. «Права», которые считают неэтичными в плюралистической демократии (например, многобрачие, детский труд, жестокость по отношению к животным), признают «ненадлежащими», и они не пользуются никакой защитой. Таким образом, можно предъявлять уголовные обвинения по поводу стрельбы из лука по беспризорным собакам, но не по поводу игры в гольф. Данные Д. Минниса, согласно которым защитники животных выиграли 7 из 11 референдумов (штатов) по вопросам охоты, иллюстрируют слабость аргумента о правах меньшинств. Плюралистическая демократия не избавляет от необходимости согласования охотничьей этики с неохотниками.

Восприятие охоты в разные исторические периоды неразрывно связано с тем, в какой степени мифические и символические представления об охоте были общими для охотников и неохотников. Самостоятельные, крепкие, вдумчивые и самоотверженные (в конце концов, пошедшие на самообложение) спортсмены-охотники, воплощением которых являлся Теодор Рузвельт, были носителями общепризнанных взглядов на охоту до 1960-х. Этот образ, однако, не устоял в волнах мощных движений — за гражданские права, за права женщин, за мир и против войны во Вьетнаме, за экологию и против «Безмолвной весны»*. Протест, выраженный в этих движениях,

* Выход в 1962 году этой книги Рэйчел Карсон [Silent Spring] практически во всех западных природоохранных периодизациях признается событием, имеющим этапное, векообразующее значение. Здесь и далее — примечания С. Матвейчука.

был общественной реакцией на явления, которые публика считала неэтичными. В конце 1960-х — начале 1970-х общество вообще стало более раздробленным, критически настроенным, утратившим иллюзии.

Мы приучились, хотя и неохотно, жить в более плюралистической нации, состоящей из свободно взаимодействующих меньшинств. Но только тех меньшинств, чьи этические модели разделялись широкой публикой, признавались общественно допустимыми. Как культурное меньшинство охотники должны сформировать последовательную этическую позицию, хотя бы частично разделяемую публикой, поскольку будущее охоты в либеральных демократиях зависит от ее общественного признания. Хотя овеществление, «обездушивание» преследуемых животных с помощью таких выражений, как «дичь», «запасы» и «добывание», позволяет некоторым охотникам избежать этой задачи, стремление скрыть в охоте элемент насилия подтверждает необходимость ее убедительного морального оправдания.

Д. Деккер и Т. Браун давно предложили охотникам «задать вопрос, склонно ли нейтральное большинство общества разделить наше видение охоты или принять точку зрения защитников прав животных». Хотя правильнее, вероятно, говорить не о «нейтральном», а об «умеренном» большинстве, их предложение верно выражает суть необходимых действий. Охотничья этика должна быть логически последовательной и интуитивно привлекательной для умеренного большинства. Такая этика привлечет и стимулирует культурную,

политическую и экономическую поддержку менеджмента дикой природы со стороны и охотников, и неохотников.

Имея в виду эту цель, я:

1) утверждаю, что три доминирующие сейчас охотничьи этики — гипотеза натуральности, этика земли и спортивная этика — не в состоянии оправдать охоту или способствовать ее принятию обществом; и

2) предлагаю альтернативную этику, объединяющую широко признанные воззрения Леопольда с традиционными утилитарными и правовыми оценками этических критериев.

Доминирующие охотничьи этики

Гипотеза натуральности

Согласно этой концепции, люди — хищники, и охота — единственный для человека способ вступить в природу в качестве участника, а не зрителя. Таким образом, охота является «правильной», «правомерной», поскольку она — естественная, прирожденная роль человека. Отклонение от нашей инстинктивной охотничьей природы, как утверждает Д. Сван, «является основной причиной психических заболеваний». Эта идея, по Д. Дизарду, вынуждает человечество признать, что его существование требует смерти диких животных. Охота — подлинные отношения с природой, в то время как большинство других — фальсификация, прикрывающая умерщвление диких животных обществом: столкновения с транспортными средствами, разрастание городов, преобразование

местообитаний в сельскохозяйственные земли, обеспечивающие пропитание всем людям.

П. Шепард описал естественную роль охоты в таких словах: «Человек — отчасти плотоядное животное: самцы нашего вида генетически запрограммированы на преследование, нападение и убийство ради пищи. Если и поскольку они не делают этого, они не являются в полной мере людьми». Д. Сван писал: «Я подобен кугуару; мне нужно есть мясо». На интернет-сайте Д. ДиКамилло и Д. Шефера, приглашающем школьников вставать в ряды охотников, пума и охотник занимают сходные позиции в схеме пищевых цепей природы. Л. Макинтон утверждал: «Добыча нуждается в хищнике точно так же, как хищник — в добыче. Один без другого, в конечном счете, становится кое-чем меньшим. Волк становится собакой. Олень становится коровой. И чем становится человек?» Эти высказывания подразумевают, что люди, естественно, наверху пищевой цепи, а из последнего утверждения следует, что люди становятся «ниже», если они не охотники.

Тот факт, что собака играет иную роль, чем волк, не делает сам по себе собаку ниже или неестественной. На деле каждый предпочтет, чтобы его малыша опекала собака, а не волк. Далее, действительно ли приручение

собак было неестественным? Аналогично, люди, которые охотятся, играют иную роль, чем люди, которые так не делают, но никто из них не лучше и не естественней. Аргументы, согласно которому люди — природные охотники, раз они занимались охотой почти на всем протяжении существования человечества, игнорирует вероятную воз-

можность того, что именно естественный отбор предписал человечеству аграрное общество так же, как ранее охотничье. Подобно свинье, мы можем выбрать свою позицию в пищевой цепи, но, в отличие от свиньи, мы включаем в принятие решения моральные критерии. Они ставят под сомнение аргумент, что человек, который критически оценивает

GARMIN®

**БУМАЖНЫЕ
КАРТЫ
НЕ НУЖНЫ!**

Портативные навигаторы Garmin:

- содержат карты России с рельефом местности и водоемами
- поддерживают загрузку растровых карт и космоснимков
- запоминают маршрут
- водонепроницаемы

Товар сертифицирован. Реклама.

Oregon 450

Подробности на www.garmin.ru

охоту, является так или иначе «менее естественным», чем тот, кто принимает на себя роль хищника высшего ранга.

Даже если Вы принимаете аргумент, что современные люди являются натуральными высокоуровневыми хищниками, нужно обратиться к самым проблематичным аспектам этой этики. «Естественность» приравнивается к этическому поведению? Один сторонник гипотезы натуральности спросил: «Почему убийство животного является столь безнравственным для человека, но не для шимпанзе, пумы, волка или акулы?» Внутривидовое убийство происходит естественным образом среди некоторых людей, акул и львов. Мы можем считать неэтичным для акул есть друг друга для пропитания, потому что для людей подобное неэтично? Или является ли для людей этичным убивать друг друга в целях улучшения генофонда, как это происходит у львов?

Кроме того, почему те, кто отбирает критерии «натуральности» охоты, не обращаются к интуитивно менее привлекательным признакам, типа мужского доминирования в культурах охотников-собираателей? Большинство охотничьих культур было патриархально по своей природе; следует ли из этого, что мужское доминирование в обществе является естественным и этическим? Д. Сван в подтверждение своего заявления о том, что магия охоты имеет женственную природу, приводит богинь охоты греческих и римских мифов; но и в античной, и в более ранних охотничьих культурах доминировали все же мужчины. Кроме того, в этих культурах охотниками были главным образом мужчины. Предполагает ли это, что женщины менее естественны?

Предположению, что охота нужна мужчинам, чтобы избежать умственной болезни и достичь самореализации, поскольку охота естественна, соответствует предположение, что женщины находят радость в своей палеолитической «естественной» роли. Хотя верные сторонники такого представления могут на самом деле думать, что «естественная» роль женщин — выкапывать из земли клубни, эта идея не является общепризнанной в современном обществе. Наконец, если охота необходима человеческому обществу для подлинного восприятия природы, то или у природы нет будущего, или в угодах будет бродить такое множество охотников, что само воздействие их присутствия уничтожит диких животных и среду их обитания. Дефектная логика и женоненавистнические следствия рассмотренного представления могут только повредить общественному признанию охоты.

Этика земли

О. Леопольд увековечил этику земли в таких словах: «Правильно то, что нацелено на сохранение целостности, стабильности и красоты биологических сообществ. Неправильно то, что ведет к обратному». Поскольку О. Леопольд не дал определений целостности, стабильности и красоты, его этика земли стала библейской в ее широком принятии, воздействию и аналитических интерпретациях. Его подход был влиятелен, потому что он позволял читателям вкладывать в него свои собственные значения, и он позволял не обращать внимания на невозможность определения терминов, которые, как, например, стабильность, не имеют универсально принятых значений. Слабость этого подхода, однако, в том, что этика охоты, выведенная из этики земли, является по своей природе глубоко личной, ее трудно описать и, следовательно, объяснить всему обществу.

Этика земли тесно переплетена с охотничьей гипотезой, потому что естественность интуитивно приравнивается к целостности, красоте и даже стабильности. Настаивая на том, что регулирование численности оленей должно осуществляться исключительно охотниками, Д. Сван писал: «Человек всегда был для оленей самым важным хищником». Беря во внимание возраст рассматриваемых видов и их географическое распространение в соответствующий период, это сомнительное утверждение. То, что охотники способны предотвращать взрывы численности копытных животных, кажется, вместе с тем, разумным умозаключением.

Если охота способна предотвратить сценарии, подобные вспышке численно-

сти чернохвостого оленя на аризонском плато Кайбаб, оплаканном в свое время О. Леопольдом, остается вопрос, сохраняется ли целостность, красота или стабильность. Точного ответа на этот вопрос не существует. Недавние исследования динамики биологических сообществ показывают, что, в общем случае, добыча управляет хищниками, а не наоборот. Если бы, однако, хищники действительно управляли видом-жертвой, как полагал О. Леопольд, охота становилась бы ненужной, как только целостность естественных систем была бы восстановлена. Более того, некоторые могут считать «стабильными» скорее сообщества, управляемые динамическими взаимосвязями, чем сообщества, состав которых твердо определяется людьми. Наконец, паркоподобные ландшафты, возникающие при мягком регулировании обильного поголовья оленей, часто считают более красивыми, чем заросшие чащобы.

Большинство аргументов в пользу охоты, опирающихся на менеджмент диких животных, основаны на этике земли и касаются сохранения стабильности и целостности биологических сообществ. Охотники здесь, как говорит Д. Сван, «целители». Сторонники этого подхода утверждают, что никаких других вариантов контроля популяций не существует. Например, Б. Смит и С. Андерсон делают вывод, что «охота остается необходимым инструментом контроля численности вапити в национальном парке Гранд-Титон». Когда стабильность (которая задается исключительно человеческими ценностями) находится под угрозой, охота — не единственный

выбор. Стерилизация во многих случаях будет, если уже не стала, реалистичной альтернативой охоты. Интересно, что как раз вапити в США легче других копытных поддается регулированию с помощью иммуно-противозачаточных средств. Вапити легко идет на контакт с человеком и в зимний период концентрируется на открытых пространствах. Иммуно-противозачаточные средства с трехлетним сроком действия могут применяться в массовом масштабе.

Апологеты охоты как необходимого инструмента контроля популяций утверждают, что применение других инструментов приведет к сдвигу от природоохранной модели менеджмента диких животных к модели менеджмента вредителей. Они предвидят будущее, в котором охотники были бы заменены «снайперами государственных ведомств и частных фирм, специализирующихся на контроле вредителей». Это, в свою очередь, «уменьшило бы уважение, интерес и трепет, с которыми многие люди современного общества теперь воспринимают диких животных». Правдоподобие этого аргумента основано в некоторой степени на игре слов.

Превращение менеджеров дикой природы в «специалистов по контролю вредителей» из гипотетического неохотничьего будущего, по-видимому, поддерживает предположение, что публика потеряет уважение к диким животным. Нет никакой причины, однако, для того, чтобы описывать этих специалистов как работников именно «фирм по контролю вредителей», а не «фирм по контролю диких животных». Люди, использующие противозачаточные средства, не приобретают сходства с вредителями; на самом деле, многие экологические движения это приветствуют. Кажется едва

ли не комичным представить работников «фирмы контроля вредителей», прибывающих для устранения бушующего льва или бизона. Представление о крысах, сусликах и бобрах как вредителях основывается на последствиях их присутствия, а не на том, что написано на грузовике истребительной команды. Соответственно, хомячок, поедающий зерно в фермерском амбаре — вредитель, но он же, несущийся к норе под пристальным взглядом совы — отнюдь. Наконец, Р. Холман показал сходство ценностей охотников и непотребляющих пользователей диких животных (фотографы, наблюдатели); последние не требовали от охоты поддержки природоохранной модели менеджмента диких животных. Этика земли сохраняет боль-

шой потенциал для общественного признания этики охоты, но основанные на ней аргументы, которые сейчас используются для защиты охоты, либо внутренне противоречивы, либо, по крайней мере, неполны.

Перевод С.П. Матвейчука.

Источник: Peterson M.N. 2004. An approach for demonstrating the social legitimacy of hunting // Wildlife Society Bulletin, 32(2):310-321.

Опубликовано с разрешения Общества дикой природы.

Reprinted by permission of The Wildlife Society.

Продолжение в следующем номере.

- Экспертиза художественно оформленного холодного и огнестрельного оружия
- Эксклюзивный дизайн отделки штучных ружей
- Консультации по оформлению оружейных коллекций в интерьере

Тел.: +7 915 330-83-17

E-mail: alena-levashova@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОХОТНИЧИЙ ЖУРНАЛ

ОХОТА

№ 12 (45)
2011

ЧЕМ И КАК
КОРМИТЬ
КОПЫТНЫХ

ВСТРЕЧАЯ
СЪЕЗД РОРС

ЗВЕРИ
В ВОЛЬЕРАХ

КАК УКРЕПИТЬ
ОБЩЕСТВЕННОЕ
ПРИЗНАНИЕ
ОХОТЫ?

www.journalhunt.com

ISSN 1994-8298

9 771994 829007

КОГО СТРЕЛЯТЬ?

Спортивные ценности

Авторитетный опрос С. Келлерта показал, что только 40% американцев одобряют охоту исключительно как спорт и только 20% – трофейную охоту. В то же время, подтекст понятия «спорт» как приверженности к «честной игре» охотников периода возникновения природоохранного движения* сместился к соперничеству и победе любой ценой. Если отбросить последнее представление, а я считаю, что это необходимо, нужно прекратить и говорить об охоте в спортивных терминах. Раскол между охотой как честной игрой и охотой как соперничеством за победу наглядно представлен в определении термина «quality deer management» [качество, олень, менеджмент].

Под этим перегруженным термином может пониматься либо менеджмент качественных оленей (Q-DM), либо качественный менеджмент оленей (QD-M). Первое определение сосредотачивается на повышении качества оленей (например, увеличение размера рогов или массы тела, плотности трофейных животных на единицу площади угодий) исходя из спортивных ценностей, в то время как второе определение сосредотачивается на улучшении среды обитания оленей, исходя из других социальных ценностей (например: возможности наблюдения оленей или охоты на них;

Как укрепить общественное признание охоты?

Окончание, начало в №11/2011
Нилс ПЕТЕРСОН

биологического разнообразия; целостности биоты).

Практика Q-DM является неотъемлемой частью процесса преобразования диких оленей в домашних. Этот процесс совершился с крупным рогатым скотом, козами, овцами и свиньями; он происходит сейчас во многих регионах с белохвостым оленем. Люди направляют этот процесс, манипулируя местообитаниями. Пастбища, водопои, дополнительное кормление для получения желательного приплода, контроль хищников позволяют нам быть единственными потребителями, приступающими к программам оздоровления стада, селекционной работе для отбора по желательным признакам и, наконец, настаивающими на частной собственности, поскольку животноводство требует высоких затрат. Менеджмент качественных оле-

ней ведет к высоким оградкам, селекционным программам, торговле «племенными быками», подкормке, клонированию быков с большими рогами, и агентства, отвечающие за менеджмент диких животных, оказывают финансовую поддержку исследований в этих областях из фондов, образуемых платежами охотников.

Менеджмент качественных оленей приводит также к превращению охотника в стрелка. Если основная цель охоты – не пережить событие, не получить опыт, а «завалить» большого оленя, то лазерные прицелы, приманка, собаки и заборы – логические и разумные элементы охоты. Средства массовой информации быстро сложили образ этической трясины, в которую Q-DM превратил охоту. В одном из эпизодов мультипликационного телесериала,

комедии положений «Король Горы» [King of the Hill] Хэнк берет своего сына Бобби на охоту. Они приходят в охотничий домик и начинают прочесывать свои угодья. Охотники тихо крадутся по лесу, но тут их перехватывает гид на вездеходе; он приводит их к стрелковой засидке, воздвигнутой над кормушкой. Охотники усаживаются на ней, Хэнк шепчет Бобби, что надо вести себя очень тихо, чтобы не спугнуть добычу, но тут скрежещет распределитель корма, олени со всего леса стремглав несутся к кормушке и толпятся под ногами охотников. Ни Бобби, ни Хэнк не способны опуститься до убийства оленя в таком стиле, так что они уходят из эльдорадо с пустыми руками. Такие изображения «просвещают» публику насчет охоты, и вряд ли они изменятся, пока менеджмент оленей не откажется от метода Q-DM.

Менеджмент качественных оленей также может поднять расходы землевла-

дателя, на размерах оленьих рогов. Эти деньги могли быть использованы на расширение охотничьих возможностей через аренду или приобретение штатом земель для общественной охоты. Недостаток общественных охотугодий, где охота всем по карману, ограничивает приток в охоту новичков и ослабляет избирательную [электоральную] и лоббирующую мощь охоты.

Вместо того чтобы ослаблять себя через отрицательную обратную связь, как это делает менеджмент качественных оленей, качественный менеджмент оленей, по сути, сам себя укрепляет. Повышение доступности охоты может расширить участие новых или ранее не таких активных охотников и будет предотвращать потерю участников, неспособных оплатить Q-DM. Далее, QD-M поддерживает такие социальные ценности, как уверенность в своих силах, подлинные отношения с природой, верховенство братства над «спортом»-сопер-

тв. Ценности, связанные с соревнованием и спортом, важны для общества, но нет никакого логически обоснованного ответа на вопрос, почему ту ценность, которую представляет добыча зверя с большими рогами, не обрести в завоевании медали, пробежав милю за 4 минуты или прыгнув 2 метра в высоту, или взяв Суперкубок Национальной и Американской конференций американского футбола. Эти «трофеи» не требуют отнятия жизни или насилия в отношении безгласного индивидуума; так чем же ветвящаяся костная масса ценнее круглого куска золота? В действительности, рога могут быть для кого-то более ценными, но их уникальная ценность не может быть приписана победе. Даже самые искренние апологеты охоты утверждают, что ценность трофеев, украшающих дома некоторых охотников, не строго зависит от их размеров. Скорее эти трофеи, по словам Д. Свана, «напоминание о необходимости сохра-

Дикий олень

Расчистка древесной растительности
Устройство водоемов
Выращивание растений
Учет поголовья
Контроль хищников
Огораживание
Вакцинация
Селекция
Искусственное осеменение
Частное владение

Домашний олень

Деятельность человека, направленная на одомашнивание оленя

дельцев и, следовательно, стоимость для охотников. Более высокие цены сужают возможности для тех, кто не может заплатить, особенно возможности для охотников на мелкую дичь и молодых охотников. Это означает приоритетный доступ для трофейных охотников, охота которых, по приводившимся данным С. Келлелта, менее всего приемлема для общества; это ослабляет социальную базу охоты вообще, исключая из нее молодых и менее зажиточных охотников. В конечном счете, этот подход способен уменьшить лоббистскую мощь охотников через отрицательную обратную связь. Например, политически влиятельные сторонники Q-DM в штате Техас убедили государственные агентства тратить бюджетные доллары, полученные от охотников, на исследования, сосредотачивающиеся, в конечном

ничестве. Качественный менеджмент оленей не подразумевает, что охотники не должны радоваться добыче трофея; однако основная цель этого типа менеджмента, скорее, в создании возможностей охоты, а не трофейных животных.

Этическая сила охоты как спорта, из-за конкурентно-победительных контекстов, минимальна. Фактически, модель охоты, в которой основной целью выступает трофей, имеет для широкой ответственности негативный этический кон-

нения» [дичи] или катализатор охотничьих воспоминаний.

Защитники охоты могут указать на то, что такие вещи, типа рогов и клыков, не столь ценны, как событие, и что опыт охоты уникален и он приносит человеческому обществу уникальные выгоды. Если это верно, первичной целью должно быть расширение возможности извлечь выгоду из охотничьего опыта, а не коллекционирование рогов. В некоторых регионах это будет требовать серьезной переоценки приоритетов и в

* Подробнее о том, что первые охотники-природоохранники из когорты президента США Теодора Рузвельта, противопоставляя спорт коммерческой охоте, имели в виду не «спортивное» понимание охоты, а «спортсменское» отношение к дичи и добыче, смотрите в нашем журнале статью канадского профессора Валериуса Гайста (2009, №7, С. 13-19), подробнее о сути «честного преследования» – статью профессора Университета штата Монтана (США) Джека Томаса (2008, №10. С. 8-11), а также заявление Бун-и-Крокетт клуба, одним из основателей и первым президентом которого был Т. Рузвельт, о «консервированной» стрельбе (2009, №6, С. 2-3).

охоте, и в менеджменте диких животных. В других областях, где трофеи для охотников и, по-видимому, менеджеров – наименее важный мотив, в больших изменениях нет необходимости.

Утилитарная и правовая социальные ценности

Общепризнанный взгляд на диких животных

Для того, чтобы охотничья этика признавалась обществом, она должна основываться на концепции взаимности в отношениях между людьми и дикими животными. Этические модели, как и научные, оцениваются по универсальности, числу отклонений и их экономичности. В этике эти признаки оцениваются с помощью интуитивных оценок специфических случаев. Применительно к охоте это требует определения того, каково положение животных в плане морали и внутренне присущей им ценности, их ранжирование; эти вопросы здесь не рассматриваются. Достаточно сказать, что многие этические системы наделяют охотничьи виды диких животных моральным статусом; этика земли – в силу их роли в естественных системах; этика прав животных – ввиду их чувствительности; общество в целом – по разнообразным основаниям, от упомянутых выше до этики благоговения перед жизнью А. Швейцера.

Сложная проблема – ранжирование индивидуумов. Сторонники этики земли и глубинной экологии обошли эту про-

блему, полагая, что жизнь является ценной, постольку, поскольку она вносит вклад в биотическую целостность, или что всякая жизнь является равно ценной. Однако перед лицом человеконенавистнических и прагматических проблем, связанных с такими представлениями, эти философы молчаливо признавали необходимость оценить людей выше, чем это следовало бы из их вклада в целостность биосферы.

Битвы вокруг прав животных начались с категорий неодушевленности, чувствительности, сознания или самосознания животных. Д. Деннетт подразделил животных на категории: способных к развитию; обучающиеся на основе связи «стимул – реакция»; формирующих внутренние модели окружающей среды; использующих инструменты для формирования своей окружающей среды. Апологеты прав животных тут же указали на то, что, согласно этим критериям, умственно отсталые люди и люди в бессознательном состоянии менее важны, чем высокоорганизованные млекопитающие. Отсюда следовало, что умерщвление умственно отсталых людей или бессловесных младенцев для сохранения шимпанзе или дельфинов – этический акт. Аргумент, однако, базируется на нереалистичной и неправдоподобной измерительной шкале. В действительности, вышеупомянутые категории произвольны и границы между ними неизвестны. Хотя категории Д. Деннетта менее произвольны, границы между ними все же основаны на предположениях.

Связанность в большей степени интуитивно приемлема и логически

защитима как измерительный инструмент этики. Общество в целом не полагает, что животные равны людям, и, если ранжирование основано на отношении к ним, умственно отсталые люди защищены от человеконенавистнических гипотез, которыми разбрасываются защитники прав животного. Хотя выглядит заманчивым объявить, то генетика делает все различия «реальными», у меня более близкие отношения с моей женой (генетически от меня весьма удаленной), чем с моей прабабушкой. С логической точки зрения, разграничения все еще произвольны, но они скорее явные, чем подразумеваемые. В большинстве случаев этот подход возносит людей на пик этического статуса. Кроме того, он создает градуированную шкалу ответственности – перед семьей и любимыми, затем перед обществом, после – перед нацией и так далее. Этот подход интуитивно притягателен, повсеместно применим, и от него немного отклонений (если они вообще есть) на глубоко личном уровне.

Многомерная структура этики

Многие специалисты по экологической этике презирают моральную неоднозначность, свойственную менее жестким этикам. Однако такие «амбивалентные» этики являются в нашем обществе нормой как раз благодаря их всеобщности. Поскольку моя цель состоит в описании того, как охота может стать общественно признанной, я воздержусь от сопоставления жесткой и плюралистичной этик и сосредоточусь на описании этической модели, которая

может быть общей для охотников и общества.

Любая моральная перспектива имеет специфическое пространство, или «пространство решений», центр, где размещаются результаты «идеального» выбора. Менее приемлемые решения располагаются дальше от центра, и неприемлемый выбор находится за пределами пространства приемлемых решений. При совмещении различных этик общее, совпадающее пространство решений меньше, чем пространство каждой из них в отдельности. Вопрос о том, какая охота социально приемлема в специфическом контексте, похож на вопрос о том, какой вид может выжить в данной окружающей среде. Фундаментальные этические представления тех, кто принимает решения, играют здесь роль экологических переменных, определяющих границы ниш; эти представления ограничивают пространство для социально приемлемой практики. Общеизвестно,

низме*, где наше базовое ощущение несправедности некоторых типов действий (например, пыток) более убедительно, чем любая моральная теория, и может быть достаточным для того, чтобы выступить против этических теорий. Например, глубинный эколог может кормить голодного ребенка, даже если продление его жизни будет вести к экологической деградации, и, наоборот, антропоцентрист может упорно пытаться сохранить исчезающий вид, даже если его существование сопряжено с человеческими потерями.

Положительная обратная связь не обязательно положительна в смысле соответствия общераспространенным интуициям. Группа, придерживающаяся какой-либо одной этической теории, может, столкнувшись с неблагоприятной положительной или отрицательной обратной связью, изменить диапазон приемлемых выборов. Например, общество эоцентристов может согласовать

сообщества, нации и сообщества наций). В либеральных демократиях, основанных на соперничающем единстве свободы и равенства, это существенно.

На внутриличностном уровне положительная и отрицательная обратные связи быстры и часто подсознательны, поскольку информация используется для определения положения морального решения, когда оно уже принято. На межличностном уровне, типа семей и общин, процесс медленнее. Ответы на обратную связь, прогнозируемую или реальную, замедляются на более высоких уровнях. Например, индивидууму может быть достаточно первого же столкновения со смогом, чтобы купить воздушный фильтр, в то время как сообществу часто требуются годы отрицательной обратной связи, пока оно «решило», что смог – это плохо, и начнет принимать меры для его устранения. Более высокие иерархические уровни

что во многих случаях никакого пространства, никакой ниши не существует.

В обществе, как и в других существующих системах, конкуренция может изменить пригодное пространство. Положительная и отрицательная обратные связи могут изменить размер, форму и положение этого пространства для каждой этической перспективы. Благодаря человеческой рациональности мы иногда можем предвидеть результат наших решений и использовать предсказанную обратную связь при принятии решения. Конфликт, сотрудничество, обмен информацией и сопереживание, сочетаясь с положительными и отрицательными обратными связями, формируют и смещают объем допустимых для всех решений, пока он вообще существует. Нравственность основана на интуицио-

строительство больницы в девственной прерии из опасения, что их противодействие может привести к избранию анти-экологически настроенного правительства, принятию менее жестких природоохранных законов и ослаблению поддержки их применения.

К этической системе, смоделированной таким образом, применимы инструменты, используемые в системном анализе. Хотя теория иерархии не рассматривает непосредственно этику охоты, эта теория может быть применена к пространственному измерению этики. Многомерная структура этики может быть иерархической и в масштабе отдельной личности, и в межличностных отношениях (то есть, внутри местного

типа сообщества или нации своей медлительностью сдерживают более низкие уровни. С увеличением размера группы признаваемое всеми пространство решений сокращается, в то время как моральный плюрализм расширяется. Возможно, часть этих ограничений уравновешивается в либеральных демократиях, но и здесь масштаб имеет значение. В либеральных демократиях, кроме того, моральные системы являются сложносоставными, и в национальном пространстве решений отражаются местные.

Эта модель обеспечивает инструмент для выявления точек соприкосновения и демонстрации пользы сотрудничества в случаях, когда пространства взаимопри-

* Интуиционизм – философское представление, согласно которому исходные истины и принципы даются человеку интуитивно, готовыми.

емлемых решений не существует. Это не устраняет монистические или плюралистические супертеории, излюбленные специалистами по этике, но обеспечивает структуру, позволяющую проанализировать сходства, различия и значения различных представлений, и достичь консенсуса.

Признание ценностей охоты

В США, либеральной демократии, используются одновременно прагматичный и правовой критерии оценки решений и практики. Признание и разрешение конфликтов между индивидуальными правами, принципом равенства и интересами различных групп является критически важным для поддержки таких правительств. В то время как демократия всегда несет угрозу ущемления большинством прав отдельного человека, либерализм всегда чреват распадом общественного строя, анархией. Вместе, однако, они уравновешивают друг друга. Когда различные этики воспринимаются в конкретном контексте, а не как воплощение абсолютных истин и универсального разума, они могут способствовать практическому взаимодействию, нацеленному на создание более равноправного сообщества. Такое сообщество, о котором говорил О. Леопольд, может объединить охотников, защитников прав животных, дику природы и окружающей среды в целом.

Большинство американцев – против жестокого обращения с животными, но они столь же тверды в неприятии предоставления животным равного поло-

жения с людьми. Некоторые защитники прав животных идут на частичные уступки этим нравственным интуициям общества. Например, они признают, что «некоторые категории интересов человека важнее интересов любых других живых существ», и что «люди, в принципе, важнее других животных». Таким образом, индивидуальные права животных, на которых охотятся, не так важны, как соответствующие права охотников. Однако это неравенство может не работать, если ниже поставленная особь рискует жизненно важными правами (собственно, самой жизнью) в обмен на менее значимое право охотника (удовольствие). Нужно учитывать также дополнительные права животного (возможно, право на убежище) и охотника (свободу действий или собственности). С обеих сторон может быть рассмотрена и утилитарная ценность умерщвления животного. В то время как трудно представить «хотение» животных, полезность умерщвления могла бы быть оценена с учетом плотности и распространенности вида или той степени, в которой добывание компенсирует другие причины смертности. Полезность для людей может быть оценена исходя из рыночной ценности, снижения ущерба от повреждения животными имущества, предотвращения болезней, психологических и духовных потребностей охотника, ценности для семейных отношений, полезности предания гласности неизбежной связи между человеческим существованием и умерщвлением.

Обсуждение

Определение степени приемлемости охоты для общества в этой многомерной этической системе, основанной на правах и полезности, подразумевает потенциально неприятные изменения и компромиссы для охотников и других групп типа защитников прав животных. Я не буду прогнозировать эти изменения, а предложу способы, которыми охотники могут расширить пространство решений, общее с широкой публикой.

Если мы выбросим за борт представление об охоте как «спорте», это поможет узакониванию охоты. Представление об охоте как соревновании, в котором победу определяют физические признаки убитого животного, в глазах большинства общества нравственно предосудительно и резко сужает этическое пространство, единое для общества и охотников. Менеджмент, увеличивающий возможности охоты, а не трофейные характеристики, может вести к большей доступности охоты. Это, по крайней мере, косвенно уменьшит затраты на охоту, привлечет молодежь, расширит семейную причастность к охоте, что, в свою очередь, прибавит убедительности доводу о том, что охота укрепляет семьи и общины, и опровергнет заявления, что охота – просто жестокая забава богатых.

Такие организации, как Гуманное общество Соединенных Штатов, не скрывают их стратегию – запретить сначала наиболее жестокие формы, а затем и всю охоту. Это делает правдо-

подобными предположения, что запрет охоты на медведей с собаками – первый шаг к запрету всех форм охоты. Очевидная поддержка охотниками видов использования дикой природы, воспринимаемых как жестокие, ослабляет социальную приемлемость охоты, потому что борьба за сохранение всех видов охот прямо связывает всех охотников со стереотипами, наиболее презираемыми публикой.

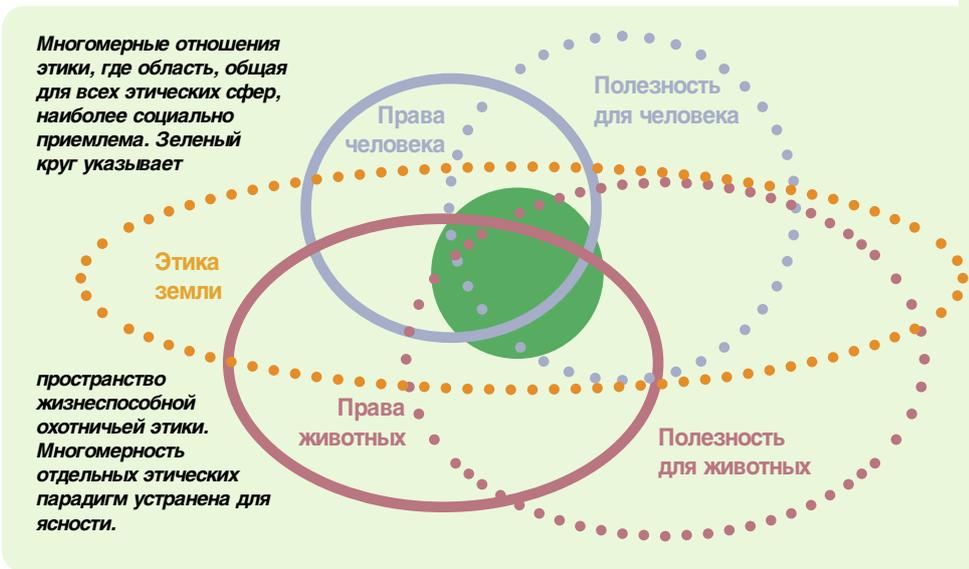
Общество в целом может закрывать глаза на тот факт, что смерть и насилие присущи жизни, но бурное развитие экстремальных видов спорта, сопрягающееся с упадком охоты, показывает, что это – не то, что нужно. Человечество испытывает потребность в более естественных привязанностях. Поэтому, охотничья гипотеза может повысить социальную приемлемость охоты, если она не будет провозглашать охоту единственным достойным образом жизни или объяснять проявление

несерьезные поводы не оправдывают рекреационное умерщвление животных. Устранение спорта с его легкомысленными подтекстами из охотничьей этики и рассмотрение баланса прав и полезностей оправдывает охоту во многих отношениях. Такой подход не даст однозначного и единственно верного ответа в каждом сценарии охоты, но он во многих ситуациях обеспечит общественно приемлемое обоснование охоты.

Демонстрация того, что охота создает социальный капитал**, также повышает ее общественное признание. Социальный капитал касается способности получать блага от членства в тех или иных сообществах, других социальных структурах и побуждать человека соблюдать нормы, принятых в этих объединениях. Его создание, однако, требует вложения и экономических, и культурных ресурсов. Охотники предоставляют эти ресурсы, и совокупный социальный

клонные защитники сохранения охотничьих видов животных.

Неслучайно в защите этики земли О. Леопольда как основе мировоззрения к охотникам присоединились практически все природоохранные движения. В своих поэтических и воодушевляющих произведениях Леопольд показывал, что «движущие силы сохранения природы – открытие и удивление, затем – понимание, и, наконец, – действие». Охота ведет людей в природу, и она способна укреплять этику заботливого хозяйствования в ней. Общее этическое пространство, разделяемое охотниками, защитниками прав животных, экофеминистами, глубинными экологами, искренними защитниками всех природоохранных парадигм – политическая активность и основанная на опыте любовь к диким существам и диким местностям. Эта этическая общность неизвестна апатичному умеренному большинству, но именно она противо-

ние господства физической силой, считая это и естественным, и этическим. Охота может объединиться с пешим туризмом, плаванием и наблюдением за птицами как видами деятельности, сближающими человечество с его чувственной природой.

Расширение этического сообщества, представленного охотой, не обязательно требует расширения охоты. Полезны поддержка и организация связанных с охотой фестивалей, ярмарок, художественных показов, обедов, конкурсов на лучшего повара и т.д. Такие организации, как Спортсмены против голода*, расширяют охотничье сообщество даже без вербовки новых охотников.

Требует реагирования и признания обществом позиция организаций благополучия животных, согласно которой

капитал «финансирует» мероприятия по менеджменту дичи. Социальный капитал, формируемый охотой, уникален – он направляется на поддержку менеджмента дичи, а не бейсбольной или футбольной команды.

Охотники не столь активны в общих природоохранных делах, как энтузиасты непотребляющих видов загородных занятий. Охотники, например, не столь заинтересованы в менеджменте видов, находящихся под угрозой, или в инициативах, направленных на поддержание целостности экосистем, но они – непре-

стоит растущему влиянию потребительской, меркантильной концепции человеческого существования.

Перевод С.П. Матвейчука.

Источник: Peterson M.N. 2004. An approach for demonstrating the social legitimacy of hunting // Wildlife Society Bulletin, 32(2):310-321.

Опубликовано с разрешения Общества дикой природы.

Reprinted by permission of The Wildlife Society.

* Спортсмены против голода (Sportsmen Against Hunger) – организация, члены которой сдают добытую дичь в общественные продовольственные фонды.

** Под социальным капиталом обычно понимают взаимное доверие и готовность к взаимопомощи, формируемые в межличностных отношениях; каждый человек или фирма обладает определенной сетью знакомств (связей), которая может повысить его экономическую эффективность и в этом смысле может называться капиталом.